

Список источников и литературы

- ГАСО – Государственный архив Свердловской области. Ф.Р-7. Оп. 1. Д. 14; Ф.Р-511. Оп. 1. Д. 87.
- Известия 1919 – Известия. №241. 28.10.1919.
- ЦДООСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.76. Оп. 1. Д. 417; Ф.1364. Оп. 1. Д. 7; Ф.1494. Оп. 1. Д. 42.
- Яркова 2008 – Яркова Е. И. Екатеринбургская губерния 1919-1923 гг.: экономическое, политическое, социальное развитие. /Дисс. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2008.

Ivan S. Silchenko

THE FORMATION OF THE AUTHORITIES OF YEKATERINBURG PROVINCE IN 1919.

The article is devoted to peculiarities of the organization of management structures at the initial stage of existence of the Ekaterinburg province. The author considers the process of formation of Military-revolutionary committees and the transition from them to the Soviets. Define areas of responsibility management structure, their composition, and assess their effectiveness.

Keywords: Ekaterinburg province, Civil war, Revolutionary committees, the Soviets.

DOI 10.26170/vvi17-01-29

Код ВАК 12.00.01

Е. С. Соколова

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ МЕСТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XVIII - ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX ВВ.)

В статье рассматривается малоисследованная проблема политико-юридической специфики формирования местного законодательства импера-

Соколова Елена Станиславовна, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54); кандидат юридических наук, доцент.

Elena S. Sokolova, associate professor of the Department of History's State and Law of Ural State Law Academy (620137, Russia, Ekaterinburg, Kolmogorova Street, 54); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 245-35-98. Электронная почта/E-mail: elena.sokolova1812@yandex.ru.

торской России как составной части интеграционной политики надсословного политического режима. Раскрыты геополитические и государственно-правовые истоки законодательных стратегий, нацеленных на формирование имперского пространства, рассматривается политико-юридическая сущность институциональных компромиссов в области сохранения исторической основы региональных структур государства и общества.

Ключевые слова: Российская империя, местное законодательство, надсословная монархия, интеграционная политика, политико-юридические стратегии, правовая унификация, отношения подданства.

Становление идеологии и законодательной политики российского самодержавия в области моделирования надсословной монархии происходило по мере формирования, становления и развития имперской формы государственно-правового устройства России. Выстраивание политического режима во вновь присоединенных регионах имело свою политико-юридическую специфику, определялось социокультурными, геополитическими, национально-этническими, политико-правовыми факторами, сопровождавшими территориальное расширение Российского государства.

Апробация надсословной политики в присоединенных к России регионах, включенных в буферное пространство на западных и восточных границах, была важной составной частью организации модели имперской верховной власти, обеспечивающей государственное единство и политическую интеграцию национальных регионов. Реализация имперской модели государственного строительства должна была создать опорные точки верховной государственной власти на новых территориях, население которых вошло в состав подданных российской короны, но при этом отличалось иными представлениями об организации общества и властных структур.

В этих условиях особую важность приобрела задача проявления внешней толерантности правящей элиты к национальным обычаям, местному законодательству и властно-управленческим институтам присоединенных регионов, находившихся на разных уровнях цивилизационного развития. Учитывая глубокие различия между западными и восточными регионами, вошедшими на протяжении XVII – XVIII вв. в сферу влияния имперской политики Российского государства, по отношению к ним использовались разные модели отношений подданства, ориентированные на укрепление надсословного политического режима, но с учетом местных политико-юридических особенностей.

Политико-юридические стратегии российской интеграционной политики разрабатывались с учетом геополитических интересов на западных и восточных границах и, в целом, обеспечивали постепенное вхождение национальных регионов в общеимперское пространство. Начальный период превращения Российского государства в метропо-

лию по отношению вошедшим в его состав национальным регионам принято соотносить со сменой географического курса внешнеполитической активности, имевшего место после заключения Ништадского мира 1721 г. В то же время с историко-правовой точки зрения нет оснований говорить об отсутствии имперских притязаний России в допетровское время. Первые Романовы, в частности, последовательно содействовали расширению западных границ государственной территории под предлогом возвращения в состав Московской Руси земель, отторгнутых Речью Посполитой и Швецией не только во время Смуты, но и в период распада Древнерусского государства. На протяжении XVII столетия под покровительством верховной власти происходило активное проникновение русских людей вглубь Сибири к ее дальневосточным рубежам. Обострение «крымской проблемы» в связи с попыткой Москвы укрепить южную границу Российского государства привело к военному конфликту с Турцией и заключению Бахчисарайского мирного договора 1681 г.

В новейшей историко-правовой литературе вторая половина XVII в. обоснованно оценивается как время формирования имперской тенденции государственного строительства. Именно с этого времени в правовой системе Российского государства местное право приобретает роль самостоятельного носителя юридической информации и начинает использоваться в качестве правового инструмента обеспечения государственного единства. Правовой партикуляризм характеризуется как неотъемлемый элемент юридической политики, нацеленной на обособление общегосударственного и местного права для достижения оптимального уровня правовой автономии национальных регионов в ходе «становления Российской империи как сложного государственно-правового образования»⁷²³.

Общеизвестно, что исторические истоки возникновения проблемы консолидации местных обычаев и узаконений с общегосударственным правом восходят к государственным образованиям Древнего Востока и античности, имевшим имперскую форму организации государственной власти. В европейской правовой цивилизации архетипом империи принято считать постреспубликанский Рим, где длительное время имперское право имело для провинций субсидиарное значение и применялось лишь при наличии серьезных пробелов в местных правовых системах⁷²⁴.

Достижение государственного единства в условиях расширения географических границ имперского государства, состоящего из национально-территориальных регионов с различным уровнем развития права, правосознания и правовой культуры, предполагает санкцию

⁷²³ Кодан, Февралёв 2013: 74–75.

⁷²⁴ Там же: 75–76.

верховой власти на сохранение местных правовых институтов. Последующая корректировка правового регулирования в духе сохранения высокого уровня организационно-регулятивного воздействия метрополии на вошедшие в ее состав земли позволяет, в конечном итоге, определить степень должного сочетания централизма и партикуляризма в юридической политике имперской власти. Применительно к России периода Нового времени данная проблема рассматривается отечественными и зарубежными государствоведами в контексте выявления юридической специфики политико-правового пространства Российской империи и способов легитимации регулятивной деятельности ее правительственной элиты.

Например, отличительная черта теоретико-правовых исследований, посвященных выявлению политико-организационных стратегий принудительного властвования носителей верховной власти в императорской России, заключается в обосновании ее юридической природы с точки зрения юриспруденции интересов. Так, по мнению Н.М. Коркунова, даже абсолютный монарх «...нуждается в содействии своих подданных». Это позволяет ему пользоваться государственной властью «как силой, могущей служить осуществлению человеческих интересов», включающих в себя наряду со стремлениями частных лиц противостоящие им потребности целых общественных групп⁷²⁵.

В итоге столкновение борющихся между собой мотиваций и различного рода прагматических соображений служат катализатором выработки юридических норм, способствующих организации монархической власти, в том числе и имперского типа, если речь идет о присоединении новых территорий. Таким образом, абсолютизм приходит в соответствие с критериями правомерного государственного строя, а императорская власть монополизует право на регулятивную и правительственно- административную деятельность посредством приращения с целью обеспечения государственного единства.

Согласно мнению ряда исследователей, специализирующихся в области изучения имперской политики Российского государства по отношению к влившимся в него на протяжении второй половины XVII – XIX вв. национальным регионам, общегосударственный интерес явно преобладал над местными корпоративными амбициями. Россия указанного периода традиционно рассматривается как единое, унитарное государство, обладающее сложной территориально-политической организацией. По словам Коркунова, «с постепенным разрастанием территории ... границы ее охватывали собой одно за другим множество самостоятельных прежде государств или владений других держав». При этом российская верховная власть в случае практической необходимости «сохраняла за присоединенными областями их мест-

⁷²⁵ Коркунов 1909: 131–132, 3–36.

ные законы и учреждения, предоставляя им иногда более или менее широкую местную автономию»⁷²⁶.

Следует отметить, что длительное сохранение в государственном праве России санкции верховной власти на ту или иную степень юридического партикуляризма способствовало возникновению двойственной теоретико-исторической трактовки тезиса о единстве и нераздельности ее территориального пространства, закрепленной в 1-й статье Основных государственных законов от 23 апреля 1906 года. На рубеже XIX – XX в. в государствоведческой литературе отмечалось, что речь в данном случае идет, прежде всего, об объединении государства в его «территориальном составе» на основе единства публичных властных полномочий монарха в «определенных территориальных границах», исключающего всякое произвольное распоряжение ими.

В то же время Б. Нольде справедливо полагал, что симметричность российского государственного устройства, достигнутая к началу XX в., была результатом длительного сохранения в юридической политике самодержавия автономных элементов управления национальными и окраинными регионами. Он акцентировал внимание на прагматизме ряда юридических конструкций, опосредованных политико-исторической конъюнктурой и, в целом - казуистичных⁷²⁷.

Земли, вошедшие в состав России по международно-правовым договорам, в разное время действительно могли иметь статус областных автономий при безусловном приоритете верховной власти или же, напротив, государственных образований, передающих российским монархам полномочия своих властителей посредством унии. В обоих случаях ведущий принцип юридической политики Российского государства заключался в признании национально-территориальной специфики ряда местных узаконений. В перспективе это содействовало возникновению тенденции к типологизации нормативно-правовых актов, закрепляющих отношение отдельных территорий к верховной государственной власти,

В новейшей историко-юридической литературе, развивающей традиции классического государствоведения, отмечается преемственность российской юридической политики императорского периода в области конструирования правового статуса местных регионов со старомосковской практикой государственного строительства. О делении древнерусского права на общее и местное писал уже Ф.И. Леонтович, усматривая в этом тенденцию к зарождению предпосылок формирования государственной идеи, способствующей политическому объединению разрозненных земель и княжеств.

⁷²⁶ Там же: 188.

⁷²⁷ Нольде 1911: 244–245, 280–281.

Наличие ярко выраженного правового партикуляризма в Древней Руси привлекало внимание П. И. Числова, который объяснял его происхождение «различием географических, климатических, общественных и экономических условий» жизни разрозненных славянских племен⁷²⁸.

По оценкам новейших исследователей, основополагающую роль в выработке юридической стратегии взаимодействия центральной великокняжеской власти «с населением отдельных, как правило, вновь приобретенных территорий» играли государственные уставные грамоты, традиция изучения которых в историко-правовой науке восходит к именам Н. П. Загоскина, П. И. Числова и А. Д. Градовского. Территориальная локализация права нашла отражение и в междукняжеских договорах⁷²⁹.

В современной историко-правовой литературе, посвященной изучению институтов областной автономии Российского государства периода Нового времени, подчеркивается организующая роль Соборного Уложения 1649 г. в проведении институциональной грани между общегосударственным и местным правом, включая обычаи. Постепенная унификация локальных правовых систем была последовательно проведена Москвой с конца XV до середины XVII вв. Как отмечают С. В. Кодан и С. А. Февралев, по мере формирования Российской империи «общегосударственное право распространялось ... на население внутренних губерний», а местные узаконения были адресованы жителям «новых территорий, включаемых в состав России»⁷³⁰.

Мнение о наличии в императорской России местных правовых систем, отражающих специфику правового регулирования в национальных регионах, высказывается сегодня и в историко-политологических исследованиях. Например, по оценке Л. М. Воробьевой, имперская концепция «поливариантной организации расширявшегося в своих пределах Российского государства» обязана своим происхождением политике Петра I по «Балтийскому вопросу». Присоединявшимся народам сохранялась «их привычная правовая, а иногда и государственная система». В регионах, сосредоточенных на новых границах Российского государства, «учитывались местные источники права, в частности: Литовский статут, Магдебургское право, Римское право, мусульманское право, шведское, австрийское, прусское право, кодекс Наполеона и т. д.». Помимо этого в практике имперского строительства использовались различные варианты сочетания централизации, децентрализации и деконцентрации, включая делегирование ча-

⁷²⁸ Леонтович 1869: 24–28; Кодан, Февралев 2013: 7–79 и далее; Числов 1914: 20–21.

⁷²⁹ Кодан, Февралев 2013: 74–154.

⁷³⁰ Там же: 130.

сти властных государственных полномочий местной администрации и выборным органам самоуправления⁷³¹.

В ряде случаев, когда речь шла о присоединении территорий, заселенных народами, живущими на стадии догосударственного юридического быта, урегулирование отношений подданства происходило на почве сохранения традиционной модели властвования. В результате происходило повышение социально-политической роли местных элит, выполняющих функцию посредничества между верховной государственной властью и ее новыми подданными.

Традиционализм, имевший место в практике управления теми восточными и южными регионами России, где автохтонное население находилось на догосударственной стадии развития, не исключал их политико-юридической интеграции в имперское пространство и сословную структуру общества, как административными, так и правовыми способами. Последовательное закрепление таковых в Своде законов Российской империи не исключало развития так называемой «вольной колонизации», которая осуществлялась вопреки воле правительства путем бегства от рекрутчины, крепостной зависимости, городского тягла и тому подобных проблем податного населения центральных земель. Применительно к Сибири более распространенной формой ее освоения в XVII – первой половине XIX вв. стала официальная правительственная колонизация «по указу», представлявшая собой разнообразные способы принудительного заселения восточных рубежей русскими людьми, включая служилые категории, ссыльнопоселенцев и некоторое количество вынужденных переселенцев-маргиналов⁷³².

Проведение подобной политики, направленной, прежде всего, на освоение природных богатств вновь присоединенных регионов с кочевым населением, в ряде случаев оказывало разрушительное воздействие на этнический и религиозно-культурный ландшафт. Значительная часть местных жителей еще XVII в. при столкновении с казачеством стала менять свои кочевья, отходя в глубь Сибири, что значительно ухудшало их быт. В более выгодных условиях находилась «инородческая» знать, которая принимала христианство, «версталась» на государеву службу и, в соответствии с нормами Соборного уложения, обеспечивалась землями из поместно-вотчинного фонда⁷³³.

Законодательная политика имперского государства в западных регионах, включенных в состав России на протяжении XVIII в., отличалась значительно более высокой степенью корреляции с ее правовым государственным укладом. Этому содействовала ориентированность

⁷³¹ Воробьева 2011: 25; Лаптева 1998: 4; Блинов 1905: 3.

⁷³² Любавский 2000: 260–261, 258–262.

⁷³³ Там же: 254–255.

российской политической элиты в целом и носителей верховной самодержавной власти в частности на европейский уровень правовой культуры и правосознания. Кроме того, речь в данном случае шла о землях, где длительное время существовали высокоразвитые монархии, а общественные отношения веками регулировались шведским, магдебургским, немецким и польско-литовским правом. Общеизвестно, что высокий уровень рецепции Литовских Статутов предопределил историко-юридическую специфику большинства правовых институтов Соборного Уложения 1649 г. Данные факторы стали мощным катализатором официального курса на интеграцию национальных регионов европейской части России в имперское государство. В то же время они способствовали осторожности российских законодателей по отношению к местным источникам права и традиционным правовым институтам, включая статусы сословной стратификации.

Историко-юридическая сущность правовых компромиссов, допущенных верховной самодержавной властью в западных регионах, нашла отражение в нормативно-правовых актах XVIII – первой половины XIX вв. Исключительный интерес для понимания особенностей российской законодательной политики в сфере реализации имперской парадигмы представляют узаконения, составленные с целью разграничения сферы действия общегосударственного и местного права в Прибалтике.

В новейшей историко-правовой литературе, посвященной вопросам изучения российской системы законодательства периода Нового времени, справедливо акцентируется факт необратимости формирования его двухуровневой структуры. По мере возможности создавались сепаратные юридические гарантии «сохранения прежней религии, обычаев и законодательства ... , а каждый российский император подтверждал действие этих гарантий»⁷³⁴.

Добавлю, что в ряде случаев, подтверждение существовавших ранее прав и привилегий местного населения было подчинено соображениям политической конъюнктуры и представляло собой более или менее пространное изъятие из общегосударственного законодательства. Этим обстоятельством объясняется большое количество указов XVIII в., закрепляющих особый статус некоторых западных регионов Российской империи. Их последующая систематизация, прежде всего, была вызвана потребностью формально-юридического закрепления приоритета общегосударственного законодательства над местными узаконениями, легитимность которых обеспечивалась высочайшей санкцией. Данная законодательная стратегия ярко выражена в начальных статьях Свода остзейских постановлений, согласно которым «Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных

⁷³⁴ Кодан. 2013: 239–293.

законов, от Самодержавной Власти исходящих...», но «с местными в некоторых их частях изменениями». Особое внимание составители Свода уделили вопросу о правовых пределах местных автономий, подчеркнув, что их предоставление полностью зависит от воли верховной власти. Во всех же прочих случаях «действие общих законов Империи сохраняется и в сих губерниях и областях полную свою силу»⁷³⁵.

Нормативно-правовые акты, регулирующие порядок присоединения балтийских регионов к Российскому государству, отличаются отчетливой типологизацией формы и содержания. В то же время условия капитуляций и сдачи отдельных городов, процедурные вопросы, объем прав и привилегий, сохраненных за разными земскими единицами, сословные гарантии и иные подобные вопросы решались в зависимости от конкретных исторических обстоятельств и стратегической важности того или иной территории. Некоторые принятые на законодательном уровне решения были продиктованы идеологическими мотивами или переменами международно-правового характера, возникшими под воздействием Ништадского мира 1721 г. Правообразующая роль была отведена и притязаниям России на имперский статус и ведущее место в иерархии европейских дворов. К середине 1720-х гг. данная стратегическая линия превратилась в составную часть «петровского наследия» и в полной мере оказалась востребована на высочайшем уровне в ходе легитимации итогов каждого дворцового переворота.

Таким образом, имперский фактор моделирования местного балтийского права был дополнен фактором политическим, основанием которого служила потребность верховной императорской власти в стабилизации. Это, в свою очередь, диктовало обращение законодателя к проблеме интеграции сословных институтов балтийского законодательства в общеимперское право при сохранении местных особенностей социальной стратификации и статусных признаков отдельных групп прибалтийского населения. Юридическая составляющая «балтийского вопроса» формировалась под мощным воздействием внешнеполитического фактора, имела в виду создание нормативно-правовой основы для интеграции Российского государства в систему европейских держав и, в целом, может рассматриваться как неотъемлемая часть политики вестернизации.

В целом, законодатель стремился к постепенной унификации законодательных норм, обычаев, административной системы и уровня правосознания новых российских подданных, видя в этом основной путь к утверждению надсословного типа отношений подданства на местном уровне.

⁷³⁵ Нольде 1911: 406 – 407; Свод 1845: Гл. 1.

Тем не менее, политико-юридический курс, апробированный на региональном уровне, отличался поливариантным подходом к проблеме организации государственно-правового пространства на вошедших в состав России территориях. Если в определенных регионах не возникло прямой угрозы для российской верховной власти, то ее надсловная политика осуществлялась с учетом настроений национальной элиты и социокультурной специфики, обеспечивая, в конечном итоге, приоритетное значение общеимперского законодательства, интересов геополитики, модели «общего блага» и системы государственного патернализма как основной составляющей надсловного политического режима.

Список источников и литературы

- Блинов 1905** – Блинов И.А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб.: Типо-лит. К. Л. Пентковского, 1905.
- Воробьева 2011** – Воробьева Л. М. История Латвии: от Российской империи к СССР. – М.: ФИВ, 2011.
- Кодан С.В. 2013** – Кодан С.В. Система законодательства в России: формирование, развитие, становление (IX – начало XX в.) // NB: проблемы политики и общества. – 2013. № 4. С. 239 – 293.
- Кодан, Февралёв 2013** – Кодан С. В., Февралёв С. А. Местное право национальных регионов Российской империи: истоки, место в политике и идеологии, юридическая природа (вторая половина XVII – начало XX вв.) // NB: вопросы права и политики. – 2013. № 2. С. 74 – 154.
- Коркунов 1909** – Коркунов Н. М. Русское государственное право. Т. I. Введение и общая часть. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1909.
- Лаптева 1998** – Лаптева Л. Е. Региональное и местное управление в России (вторая половина XIX века). – М.: ИГП РАН, 1998.
- Леонтович 1869** – Леонтович Ф. И. История русского права. Вып. 1. – Одесса: Имп. Новорос. ун-т, 1869.
- Любавский 2000** – Любавский М. К. Историческая география России в связи с колонизацией. – СПб.: Лань, 2000.
- Нольде 1911** – Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. – СПб.: тип. «Правда», 1911.
- Свод 1845** – Свод местных узаконений Губерний Остзейских, повелением Государя Императора Николая Павловича составленный. Ч. I. Учреждения. – СПб.: в типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845.
- Числов 1914** – Числов П. И. Курс истории русского права. Вып.1. – М.: печ. А. И. Снегиревой, 1914.

E. S. Sokolova

THE QUESTION OF THE POLITICAL-LEGAL STRATEGY OF FORMING LOCAL LAWS OF THE RUSSIAN EMPIRE (THE FIRST QUARTER OF THE XVIII TO THE SECOND QUARTER OF THE XIX CENTURIES)

The article discusses the unexplored problem of political and legal specificity of the formation of the local legislation of Imperial Russia as part of the integration policy of supra-estate political regime. Disclosed geopolitical and state-law origins of legislative strategies aimed at the creation of Imperial space, discusses the political and legal essence of the institutional compromises in the field of preservation of the historical basis of regional structures of state and society.

Key words: Russian Empire, local laws and supra-estate monarchy, integration policy, political and legal strategy, legal unification, the relationship of citizenship.

DOI 10.26170/vvi17-01-30

Код ВАК 07.00.09

А.В. Трофимов

КОНЦЕПТ «СОВЕТСКАЯ ИМПЕРИЯ» В ИСТОРИОГРАФИИ

В публикации выявляются понятийные и типологические аспекты концепта «советская империя», признаки Советского Союза как империи. Показано, что сущность «советской империи» в историографии рассматривается в контексте триады «нация» – «многонациональное государство» – «империя».

Ключевые слова: Советский Союз, концепт «советская империя», историография.

В контексте глобальной истории имперский объяснительный концепт исторического феномена Советского Союза достаточно широко используется в современной историографии. С его помощью в общественном сознании одновременно излечивается «травма национальной идентичности» (неизбежность «гибели империи» по Е.Т. Гайдару) и поддерживается ностальгия о «советской Атлантиде» («красная империя» А.А. Проханова).

Трофимов Андрей Владимирович, профессор кафедры истории и философии Уральского государственного экономического университета (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62); доктор исторических наук, профессор.

Andrey V. Trofimov, professor, of the Department of History and Philosophy of the Ural State Economic University (620144, Ekaterinburg, 8 Marta str., 62); Dr. of History, professor. Телефон/Phone: +7(343)2212712; Электронная почта/E-mail: 2519612@rambler.ru.